

Не одну неделю выражение «глубинный народ» нет-нет да и всплывает в памяти и как-то неприятно царапает сознание... Не обо мне ли в том числе идёт речь? Ведь я живу в самой глубине России — в Красноярском крае...

Итак, февраль, «Независимая газета», статья Владислава Суркова «Долгое государство Путина». Это из неё — «глубинный народ». Автор пишет, что «этот народ всегда себе на уме, недостижимый для соцопросов, агитации, угроз». Просится вывод, что речь идёт о каких-то староверах, живущих «во глубине сибирских руд». К примеру, известная отшельница Агафья Лыкова, моя землячка...

А может, это о тех, кто не относится к властям предрержащим или к политическим, психологическим либералам — жителям Москвы, Питера, Екатеринбурга и прочих миллионников? То есть «глубинный народ» суть провинциалы, живущие на «земле»? Пытаясь ответить на эти вопросы, вышел, как ни покажется странным, на Византию и византизм...

Модель государства и «модельеры»

У Суркова, по-моему, не очень уверенная кисть для объективной картины «путинизма». Кроме «глубинного» («глубокого народа»), есть гумилёвские «люди длинной воли», а также «четыре основные модели государства». Вот они. Государство Ивана III (Великое княжество/царство Московское и всей Руси, XV–XVII века); государство Петра Великого (Российская империя, XVIII–XIX века); государство Ленина (Советский Союз, XX век); государство Путина (Российская Федерация, XXI век).

Но почему, собственно, только «четыре модели» в теории? И где разница в «моделях», если они разные? На практике же у нас модель одна: византизм. А сей византизм есть полная лояльность лицу, находящемуся на самой политической вершине: царю, генсеку, президенту. Лояльность в основном всё того же провинциального населения («глубинных людей») при общем, довольно негативном, отношении к прочему чиновному люду. Кроме этого, для византизма характерно управление высшим политическим лицом всеми процессами в государстве, вплоть до религиозных. Причём в ручном режиме.

Всё началось с Ивана III Великого, де-факто первого русского православного царя, когда в конце XV века он вмешался в спор иосифлян с «нестяжателями» Нила Сорского и принял сторону Иосифа Волоцкого. Затем люди «длинной воли» — Пётр I и Ленин со Сталиным — вообще «придушили» церковь, лишив её самостоятельности. Из живого религиозного организма, основная функция которого — духовно-психологическая, «не от мира сего», они сделали государственный придаток. Это привело к деградации церкви и приходу во власть безбожных радикалов-материалистов в 1917 году. В. Сурков, памятуя о значительном количестве либералов, явных и скрытых, в действующих властных структурах, постеснялся упомянуть Сталина в списке людей «длинной воли».

Будем честны: радикалами двигал властный инстинкт — пресловутая «воля к власти» Ф. Ницше. «Власть слаще бабы». Так говорили то ли Никита Хрущёв, то ли Олег Ефремов. Не важно, кто говорил. Радикалы-маргиналы Ленин, Троцкий и Сталин, конечно же, при царе Николае II не имели никаких шансов прийти во власть. Зато они хорошо воспользовались моментом, когда царскую православную Россию с тысячелетней историей повергли либералы. Для этого были хороши все средства — в том числе иностранные деньги.

Затем материалистическим «людям длинной воли» пришлось заново строить государство на теоретических принципах западного немецкого политэкономиста Маркса. То есть, отказавшись от собственно русского лица, взять практические принципы идеологов Великой французской революции 1789 года и парижских коммунаров образца 1871 года. Попутно они набросили на ещё живое русское православное тело тонкое одеяльце расхожей всемирной риторики о свободе, всеобщем равенстве и так называемом братстве всех трудящихся. Это звучало так: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Красное «интернациональное» искусственное немецко-французское одеяло расплозлось в 1991 году при человеке «короткой воли» Горбачёве.

Коммунисты сохранили государственность в материалистическом виде — социалистическом. Шпенглер ещё в 1918 году далеко глядел: «Социализм — вопреки внешним иллюзиям — отнюдь

не есть система милосердия, гуманности, мира и заботы, а система воли к власти. Всё остальное — самообман». (О. Шпенглер, «Закат Европы», т. 1).

Глобализм любого цвета — красного, чёрного, зелёного, фиолетового (флаги НАТО, Евросоюза) — не органичен, скоротечен, преходящ, особенно в мирное время. Обозначившийся развал Евросоюза после Брекзит сейчас и наблюдаем. Потому что глобализм, основанный на абстрактных (ничьих) ценностях, не имеет высшей человеческой идеи — божественной. Значит, без идеи Бога государство нежизнеспособно? Пример СССР достаточно красноречив. У Суркова ничего нет о Боге и вере. Однако читаем в «Долгом государстве Путина»: «Это только кажется, что выбор у нас есть... Но по законам психологии то, что нами забыто, влияет на нас гораздо сильнее того, что мы помним».

Византизм и византисты

Это «забытый», подсознательный византизм, который чувствует Сурков: «По существу же, общество доверяет только первому лицу». И ещё: «Современная модель начинается с доверия и на доверии держится». Думаю, тут ошибочка. *Всегдашняя* русская и российская модель начиналась и начинается с доверия «первому лицу». Ключевое слово: «*всегдашняя*». Это византизм чистой воды, поскольку мы, сознательно или бессознательно, суть морально-духовные наследники византизма, начиная с князя Владимира Красное Солнышко и продолжая эпохой Ивана III Великого. Именно Иван III был сознательный «византист». Возможно, единственный сознательный последователь византизма среди других руководителей «длинной воли».

В 1472 году он сознательно взял в жёны Софью Палеолог, племянницу последнего византийского императора Константина. Сразу же на Русь стали прибывать византийские, итальянские учёные, зодчие. С 1485 года Иван III стал государем вся Руси. Единодержавие. В качестве символа государства был принят византийский двуглавый орёл вкупе с гербом Московского княжества — всадником, святым Георгием Победоносцем, поражающим змия.

В 1497 году с возникновением Судебника Ивана III и системы местничества появилось юридическое тело государства и единодержавие, следствием которого стало возникновение государственной сверхидеи монаха Феофила: «Москва — Третий Рим, четвёртого не дано». Триггерным механизмом этой идеи послужил факт заключения Флорентийской унии Константинополя с Римской католической церковью в 1439 году в предчувствии византийской элитой гибели империи и в надежде на помощь Рима.

Прошло четырнадцать лет, и Византийская империя пала в 1453 году от турок-османов. Этому

событию (унии) есть и российский аналог 1905 года — указ Николая II «Об укреплении начал веротерпимости». Вероятно, предчувствуя катастрофу в глубине своей православной души, Николай II решил на полную реабилитацию православных старообрядцев, бывших ранее изгоями, ущемлёнными в правах. Их в начале XX века в России по некоторым источникам было порядка двадцати миллионов. Прошло ещё двенадцать лет, и в 1917 году Российская православная империя пала.

Именно при Иване III Русь, после стояния в 1480 году на Угре, полностью избавилась от татаро-монгольской зависимости. Государство стало единосушным. Доказательством этой единственности Руси можно считать факт первого мягкого церковного раскола «стяжателей» Иосифа Волоцкого (1439–1508), иосифлян, с «нестяжателями» Нила Сорского (1433–1508). Оба религиозных лидера были в евхаристическом общении друг с другом. По существу, это был спор типологически разных подходов к объективной реальности: консервативной, интровертной («нестяжатели») и либеральной, экстравертной (иосифляне). Для разрешения спора стороны обратились к Ивану III. Государь вся Руси принял сторону иосифлян, которые впоследствии (монах Феофил) и огласили государственную сверхидею: «Москва — Третий Рим, четвёртого не дано».

Здесь опять византизм чистой воды, потому что первый церковный духовный раскол IV века Византийской империи сами представители (Арий и Александр Александрийский) арианской, либеральной и православной, консервативной части духовенства самостоятельно также разрешить не смогли. Потому и обратились к императору Константину Великому, принявшему консервативную сторону. Мысль Владислава Суркова, что «современная модель русского государства начинается с доверия и на доверии держится», верна. Но если убрать определение «современная», будет ещё вернее...

Коллективная душа

Есть нечто, имеющее тысячелетнюю длительность и феномен едва уловимого постоянства. «Начинать в России можно с чего угодно — с консерватизма, социализма, с либерализма, но заканчивать придётся одним и тем же. То есть тем, что, собственно, и есть». А что это «есть» и «одно и то же»? У Суркова нет ответа. Так о чём же речь? О византийской пирамиде с начальником на самом верху? Или о чём-то другом?

Думаю, речь идёт о характере народа, формируемом коллективной русской душой. Именно народная душа остаётся неизменна при всех внешних потрясениях. А что формирует душу? У того же Шпенглера есть внятная мысль: «Душу формирует ландшафт» (О. Шпенглер, «Закат Европы»,

т. 2, гл. 2). Потому что, по его же словам, «раса и ландшафт едины». А поскольку «ландшафт» — малоизменчивый фактор, особенно когда люди не прикладывают к нему свои руки и механизмы без особой нужды, то можно считать, что «ландшафт», как и характер, обладает относительным постоянством.

Позволю себе полностью привести пару пассажей Владислава Суркова для разумения феномена коллективной русской души, к которой он приблизился и частично прочувствовал.

«Глубинный народ всегда себе на уме, недосягаемый для социологических опросов, агитации, угроз и других способов прямого изучения и воздействия». Так вот, если «глубинный народ» заменить на «коллективную русскую душу», то всё станет на свои места. «Душа» — понятие иррациональное, многослойное, многомерное, место рождения Бога, обладающая фактором постоянства — характером. Именно поэтому она «недосягаемая для... опросов, агитации, угроз...».

Далее. «Своей гигантской супермассой („ландшафтной“?) глубокий народ (коллективная русская душа?) создаёт непреодолимую силу культурной (душевной?) гравитации, которая соединяет нацию и притягивает (придавливает) к земле (родной земле) элиту, время от времени пыгающуюся космополитически воспарить». Bravo Суркову за «родную землю»!

Ещё раз bravo за «непреодолимую силу гравитации, которая соединяет нацию». Это ведь почти удавшееся приближение Суркова (пусть и бессознательно) к русской коллективной душе! Потому что «народы — это не языковые, не политические, не зоологические единства, а единства более душевные» (О. Шпенглер. «Закат Европы», т. 2, гл. 2). Именно поэтому в недалёком 2014 году, после референдума, где большинство населения полуострова высказалось за добровольное воссоединение Крыма с Россией, радостно всколыхнулась русская коллективная душа, обогащённая крымским «ландшафтом». Ведь там, в Херсонесе, крестился зачинатель русской православной государственности князь Владимир Красное Солнышко в конце X века.

А что думали наши выдающиеся предки о византизме? К примеру, Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) — выдающийся русский, православный мыслитель, которого Бердяев считал «русским Ницше». В своей работе «Византизм и славянство» он пишет: «Церковь и царь прямо и косвенно, но во всяком случае глубоко проникают в самые недра нашего общественного организма». Плюс: «Византизм организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, с нашим ещё старым и грубым в начале славянским материалом».

«Вера и царь». Какое отношение имел материалистический СССР к «вере и царю»? Политический — никакого. Однако психологическое отношение было прямым. Выходит, что образ и символ царя были бессознательно спроецированы массовым сознанием на Ленина, Сталина — «вождя мирового пролетариата» и «отца народа» («хозяина»)?

Вера и религия во времена государства Ленина — Сталина были значительно дезавуированы, подорваны массовыми репрессиями, гонениями против православного духовенства, общей государственной политикой закрытия и разрушения церквей. Однако в ходе Гражданской и Великой Отечественной войн коммунистическое государство, СССР, выстояло. Почему? Потому, что в русской коллективной душе был византизм экстремальной ситуации — готовность умирать по приказу свыше, самоотверженность плюс героизм добровольный, вызывая огонь на себя. Причём не важно, на родной земле или за границей. Этим славилась наша предки. «Так не посрамят земли русской... ибо мёртвые сраму не имут». Это то, чем славилась и Древняя Греция — самоотверженностью, пренебрежением к смерти мифологических и реальных древнегреческих героев.

Это знал Сталин, иначе 28 июля 1942 года не было бы знаменитого приказа № 227: «Ни шагу назад». Это чувствовал также турецкий офицер Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк, 1881–1938) во время сражения при Галлиполи 25 апреля 1915 года. Это одна из немногих битв Первой мировой, где турки одержали победу. Тогда будущий отец турецкой нации заявил солдатам: «Я не приказываю вам атаковать, я приказываю вам умереть!» А турки — тоже «ландшафтные» наследники Византийской империи. Потому что «раса и ландшафт едины». Византия была сознательной хранительницей древнегреческой цивилизации. Турция современности — бессознательная наследница византизма.

Лидер Турции Эрдоган демонстрирует сейчас миру неуступчивый византизм: «многовекторность», хитрость, коварство, изворотливость в дипломатии, политике, экономике, культурной сфере. Турецко-византийская коллективная душа так оживилась после прихода к власти Эрдогана в 2003 году и стала непокорной мировому жандарму — США, как и «долгое государство Путина». Ведь Турция и Россия — наследники Византии. «Ландшафтные» и духовные.

Конечно же, русская и турецкая коллективные души различаются. Наша душа — во многом православная, турецкая — во многом исламская. И всё же есть одна общая византийская черта в коллективной психике наших народов — общая и во многом определяющая наши успехи и провалы. Речь идёт о зависимости общего положения дел внутри и вовне государства от масштаба личности, стоящей на высшей политической вершине

России или Турции. Именно масштаб и сила такой личности определяют успех или неуспех народа, общую состоятельность государства. Как и в Византийской империи.

Константин Великий (227–337), Феодосий Великий (347–395), Юстиниан I Великий (правил в 525–565 годах)... Одни Великие. А ещё — Василий II Болгаробойца (958–1025). Он, кстати, первым из византийских императоров установил тесную военную, политическую, коммерческую, династическую связь с Киевской Русью. Сестра императора Василия II Анна стала женой нашего князя Владимира, крестителя Руси.

Все византийские императоры — «люди длинной воли» — укрепляли государственность, проводили масштабные реформы на века, отражали нападения врагов, приращивали государство новыми территориями. Однако всё делалось в режиме ручного управления, то есть частью добровольно, а частью — вынужденно. Насильно.

При сознательном византизме Ивана III мы сквозь призму веков видим органичное, сбалансированное заимствование — как византийское, так и западное. Небольшой пример. При строительстве Успенского собора Кремля великий князь отправил итальянского зодчего Фьораванти во Владимир, дабы тот внимательно рассмотрел тамошний собор Успения Пресвятой Богородицы. Строился он в XII веке, в ещё домонгольской Руси. Потом итальянский мастер должен был, воротясь в Москву, использовать пропорции владимирского собора как образчик для кремлёвского строительства. Грановитая палата Кремля тоже создана во времена Ивана III. Наряду с мотивами поздней итальянской готики итальянские мастера Марко Руфо и Петро Солари гармонично использовали здесь древнерусские элементы с характерной особенностью в пропорциях.

Дао Руси Ивана III гармонично и равновелико в контрверзе «западное — русское». А как иначе при церковной автокефалии и сверхидее «Москва — Третий Рим»?

Русское лицо и его деградация

При Иване III только-только начало оформляться типическое русское православное «лицо». Или русская православная цивилизация, которую О. Шпенглер считал «цивилизацией западного стиля». Добавлю, что восточный, не византийский, а татаро-монгольский элемент — веротерпимость — в наших душах тоже присутствует.

Иначе Петру I не удалось бы создать дворянство западного образца, руководствуясь французскими, прусскими, шведскими уставами. Он сделал это указами «О единонаследии» (1714) и «Табель о рангах» (1722). То есть произвольным росчерком пера, совершенно не органично, из разношёрстных (религиозно и душевно) землевладельческих

польско-литовских, татарских, осетинских, московских, казачьих элит. К титулу «князь» добавились западные «графы» и «бароны».

В 1711 году в Торгау по рекомендации царя Петра состоялась свадьба царевича Петра Алексеевича с герцогиней Шарлоттой Кристиной Софией Брауншвейг-Вольфенбюттельской из Гессенской династии. Эта династия впоследствии стала основным поставщиком невест для российских императоров.

Итак, росчерк пера — и вот уже явление миру новой российской элиты, искусственно и административно созданной. «Псевдоморфоз» О. Шпенглера — насильственное петровское «втискивание примитивной русской души в чуждую форму высокого барокко». Правда, в этом случае Шпенглер говорит о Санкт-Петербурге, но мысль проецируется довольно внятно.

Выигрывая тактически, руководствуясь целями престижа и постановки Российской империи в один ряд с великими мировыми державами Запада, Пётр Великий проиграл стратегически. Он де-факто заложил основы для комплексов неполноценности дворянской элиты и царствующей династии. Длительная, в двести лет, прозападная однородность не могла не привести к деградации элиты. Был нарушен принцип единства противоположностей русского Дао (в нашем случае — баланс «русское — западное»). Пётр Великий залез в русскую коллективную психику, сменил культурную сферу, ввёл иноземные обычаи в быт и явно потерял чувство меры. Он заставлял курить табак, употреблять спиртное, насильственно брил бороды, учредил «ассамблеи» и т. д. «Противоположности всегда удерживаются в равновесии — вот признак высшей культуры... в то время как однородность свидетельствует о варварстве» (К. Г. Юнг, «Комментарий к „Тайне золотого цветка“»).

Пушкин подражание Байрону компенсировал созданием собственных русских поэтических сказок. Достоевский тоже выдерживал культурно-духовный баланс: «У меня две родины: Россия и Европа».

После учреждения так называемого Синода в 1721 году и утраты патриаршества РПЦ лишилась самостоятельности. Произошло нарушение баланса «земное — небесное». То есть «отдайте кесарю кесарево, а Божие Богу». Это тоже способствовало общей деградации. Здесь Пётр, вероятно, вспомнил «шведский вариант» лютеранской церкви Швеции. Там тоже был синод, и король стал церковным главой после принятия «Шведского церковного устава» в 1571 году. Напомню, что Швеция деградировала — после войн с петровской Россией она утратила статус значительной европейской державы. Пётр I сознательно запустил процесс религиозной деградации, организовав «Всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор»,

где петровская элита глумилась и в весьма неприглядном виде над католицизмом и православием.

Далее процесс деградации объективировался после череды негативных событий: поражения в Крымской войне в середине XIX века, продажи Аляски США (1867), поражения в Русско-японской войне (1904–1905), революций 1905–1907 годов. И как итог деградации — Февральская и Октябрьская революции 1917 года.

При всех талантах организатора, реформатора, администратора и полководца, Пётр Великий де-факто («злой рок русскости», по О. Шпенглеру) есть духовно-культурный «варвар» и первый великий русский глобалист, предтеча другого человека «длинной воли» с сильнейшим властным инстинктом, создателя первого в мире глобалистского, интернационального государства — В. И. Ленина. Все политические лидеры Руси и России культивировали, внедряли в общество какую-либо идеологию: Иван Великий — русско-византийское православие; Пётр Великий довольно рьяно внедрял в уже расколотившееся религиозными реформами русское православное общество ценности немецко-прусского протестантизма; Ленин, проведя с десяток лет в центре западной цивилизации — в Женеве, прикрывал своей властной инстинкт марксизмом, французской революционной технологией. Лишь у «долгого государства Путина» В. Суркова внятная идеология отсутствует. Правда, Путину удалось объективировать на партийных знамёнах «Единой России» образ Медведя. Этот образ наш первый русский геополитик, поэт и дипломат Фёдор Иванович Тютчев (1803–1873) считал «византийско-татарским».

Он ещё до Освальда Шпенглера почувствовал феномен русской коллективной души в статье «Россия и Революция»: «Русский народ — христианин не только в силу православия своих убеждений, но ещё благодаря чему-то более задушевному, чем убеждения. Он христианин в силу той способности к самоотвержению, которая составляет как бы основу его нравственной природы...» А не есть ли это — «более задушевное» — русская коллективная душа? Ведь «душа по природе христианка», по словам раннехристианского учителя церкви Тертуллиана.

Что всё же удручает в статье Владислава Суркова? «Благодетельная система сдержек и противовесов» плюс «гармония плутовства» (!). Довольно мрачная картина качества путинской властной элиты. «Мерзавцу нельзя дать зайги слишком далеко по той простой причине, что он мерзавец. А когда кругом (предположительно) одни мерзавцы, для сдерживания мерзавцев приходится использовать мерзавцев же. Клин клином вышибают, подлеца подлецом вышибают... Имеется широкий выбор подлецов и запутанные правила, призванные свести их борьбу

между собой к более-менее ничейному результату. Так возникает благодетельная система сдержек и противовесов — динамическое развитие низости, баланс жадности, гармония плутовства. Если же кто заигрывается и ведёт себя дисгармонично, бдительное глубинное государство спешит на помощь и невидимой рукой утаскивает отступника на дно».

После такого откровенного пассажа возникает образ мерзкого, с щупальцами, «гармонично-коррупционного» глубинного Спрута!

Воздух! Где чистый воздух? Где честная элита? Следы «честной элиты» нахожу у того же Тютчева в «России и Западе»: «Следовательно, существенная задача власти заключается в том, чтобы прояснить своё сокровенное кредо, удостовериться в своих идеях, обрести потерянную совесть: стать более разборчивой к духовно-нравственному состоянию своих служителей».

«Долгого государства Путина» пока нет. Потому что нет национальной идеи, «высокого внутреннего напряжения» Владислава Суркова («возбуждения духа», по Н. Я. Данилевскому) — тоже нет. «Высокое внутреннее напряжение» возможно только при всеобщем духовном конфликте типических противоположностей: консервативной (интровертной) и либеральной (экстравертной). Есть же пока мелкие стычки различных провластных, околовластных и интеллектуальных групп. В народе напряжения и энтузиазма, как во времена хрущёвской «оттепели», также нет. Был некоторый душевный подъём после присоединения Крыма в 2014 году. Его Кремль использовать до конца не сумел.

Далее. В сочинении Владислава Суркова есть и ряд несуразиц вроде «экспорта путинизма». Скорее, это — очередная схема «сильного лидера» для республик ДНР и ЛНР. Там работает, потому что там живут люди с русской душой. Больше нигде. Насильственный, военным путём, экспорт «ленинизма» в Польшу в 1920-х не состоялся.

Сталинизм? В подражательном качестве был в малых незначительных странах вроде Албании (режим Э. Ходжи), Монголии (Чойбалсан). И всё. Даже Че Гевара не смог экспортировать кубинский «кастрим» в близкие по языку и культуре страны Южной Америки. Более того, Че Гевара, как истый «красный» глобалист, пытался экспортировать революцию в Африку в 1960-х. Не удалось. «Кастризм» есть продукт кубинской органики, кубинского «ландшафта». В Южной Америке (а уж тем более в Африке) «ландшафт» весьма разнообразный. Там свои лидеры — «продукты» собственной истории, собственного ландшафта. Например, бывший президент Венесуэлы Уго Чавес, здравствующий президент Боливии Эво Моралес.

Проблема всех глобалистов — в их чрезмерной материалистичности, заикленности на экономическом и социальном факторах, полном

отсутствии понимания коллективных душевных укладов народов. За что «отвечают», в основном, «ландшафт» и религия. Романтический «интеллектуальный кочевник» (О. Шпенглер) с мощной личной харизмой, с огромным марксистским теоретическим багажом, Че Гевара потерпел фиаско в Боливии. Почему? Потому что не смог или не захотел любить тамошние народы, как, к примеру, полюбили русский народ потомок африканца А. С. Пушкин, немка Екатерина Великая, грузин Сталин, великий русский филолог, полудатчанин-полунемец В. И. Даль. Ключевое слово: *любовь*. Любовь и Душа — субстанции очень близкого порядка. И весьма важные для жизни — даже политической...

Завершает статью Владислав Сурков довольно оптимистично. «У нашего государства в новом веке

будет долгая и славная история. Оно не сломается». Наверное, не сломается, если на нашем политическом олимпе будут находиться не «говорящие головы» вроде Горбачёва, а реальные Личности, не сливающиеся с объективно данными событиями, а активно сопротивляющиеся негативным чужим сценариям.

И о новой столице. Это не только мысли Освальда Шпенглера о рождении новой «русско-сибирской» культуры, а вопрос военной безопасности — надо увеличить так называемое «подлётное время» до российского Центра. Если «экономика должна быть экономной», то и Центр должен быть в центре. Перенос (или основание) столицы есть классика жанра всех упомянутых Сурковым людей «длинной воли» — от Петра до Ататюрка. И не упомянутых — Н. Назарбаев — тоже...